

Александр Холодков

Жук, что ел жуков

Недетская сказка

Александр Холодков

Жук, что ел жуков

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57127311

SelfPub; 2020

Аннотация

Жестокая и смешная сказка с множеством натуралистичных сцен насилия. Читается за 20-30 минут. Прекрасно подойдет для странного летнего вечера. «Жук, что ел жуков» – это макросъемка мира, что скрыт от нас в траве и листве. Здесь зарождаются и гибнут народы, кипят войны и революции, а один человеческий день составляет целую эпоху. Вместе с Жуком и Клещом вы отправитесь в опасное путешествие с не менее опасными последствиями.

Содержание

1	4
2	12
3	15
4	17
5	22
6	26
7	29
8	31

1

На дне леса в травяном царстве живут жуки. Одни пьют из огромных капель росы и звериного следа, а закусывают травой. Другие живут и питаются в священном пне. Третьи едят трупы животных.

Грозовым облаком проходят звери над царством жуков, чтобы исчезнуть в большом и непознаваемом мире. Легко ли поверить – в десять шагов могут оказаться в соседнем царстве. Глянут налево – видят Рим муравьев, глянут направо – видят пчелиный Китай. И бегут, и под ними мелькают царства и флаги, и удивленные взоры, и гибели народов.

Лисица однажды встала на кочке. Явилась жукам, огненная с розовым язычком. Ты моя красавица!

– Посмотрите на это, – говорили жуки, глядя из-за травинок, – что за чудо.

– Ясное дело, это зверь, – сказал мудрец и укусил травинку.

– Звее-ерь, – повторили.

Лиса взлетела и обрушилась, ухватила что-то и сжала, а это капало красным на землю. Тогда жуки увидели, что все это время рядом был иной зверь.

– Сколько же зверей еще скрыто от нас? – позже спросил мудрец и опять укусил травинку.

– Считай – устанешь! – навозный жук выкатил из крапив-

ной роши до сих пор теплый заячий шарик.

– Можно спросить у бабочек, – сказал мудрец, – жаль, что они умирают прежде, чем учатся говорить.

Но умирают и животные. Из-за кустов подглядим полянку в лесу. Вон та лиса лежит с черной ранкой в боку – напоролась на острую ветку. Кузнечики через нее играют в чехарду. Кузнечики – искры, что постреливают из костра жизни! Прощай, розовый язычок. Прощай, красавица.

Здесь, друг мой, я начну рассказ о жуках, что поедают трупы. Нет дома у этих жуков, они кочевники и служители распада. Где труп – там дом и трон. В поле раскрой многотравие и смотри – на мертвой полевке блестят панцири – это развернут шатер, и служба идет. Жизнь жуки делят на съеденных зверей, где каждый – это эпоха. Такой эпохой стало легендарное и стремительное время большого медведя...

Он явился из дремучих мест, где ветви закрывают землю от солнца. Он драл кору и ревел, роняя слюну. То падал, то вставал и бросался в стороны света. Головой мотал, сбрасывая боль. Наконец, умер, крупно дрожа. Душа отлетела от него пухом одуванчика. Вот затих и пролег в траве, став бурой горой на горизонте травяного царства. Лес притих, но скоро пролетная птица чирикнула и чиркнула по синеве:

– Ой! Медведя убили!

А другая услышала и чирикнула дальше, и так третья, и так четвертая, и так лесное небо чирикнуло: медведя убили! Белка стекла с ёлки и «медведя убили!». От белки помчался

заяц и «медведя убили!». Из норы – «медведя убили!», из черного дупла – «медведя убили!».

– И зачем так кричать, – сказал волк, нюхая сладкий поток запаха, что рекой-невидимкой тянулся меж деревьев. И стая двинулась против течения, чтобы окунуться в источник. И муравьи подняли замена из листьев. И любопытная эскадрилья пернатых наострила крылья. И лес пошел войной на труп медведя.

По лапе жуки вползли на него и оказались в лесу из шерсти. Капли горького пота свисали с ворсинок.

– Что такое? Вы кто такие? – выглянув на кожаную тропу, встретила их блоха, баюкая личинку.

– Мы пришли, чтобы съесть медведя.

– Как съесть? Почему съесть?

– Вы не слышали? Медведь мертв.

– Как?! Как это мертв? Он не может умереть. Хотя... мы не движемся. О! Я чувствую – мы не движемся.

– Это потому, что медведь мертв.

– Мертв... – и, бросив личинку, прыгнула и стала точкой в небе.

Личинка осталась сиротой на кожаной тропе.

– А давайте съедем личинку, – сказал Жук.

– Тебе что – больше нечего есть? – и пошли искать кратер пулевого отверстия, чтобы с него начать трапезу.

Через тихий лес шерсти вышли на крохотную полянку проплешины. Посреди полянки торчал клещ.

– Эй, – позвали жуки, – торчишь?

Не услышал, а только почесал лапочкой о лапочку.

– А давайте съедим клеща, – опять сказал Жук.

– Слушай, ты кто вообще? – жуки спросили его.

– Я свой, – соврал Жук, что любил есть других жуков.

– Ну, брат, смотри. Если кого из нас съест захочешь – разорвем и разбросаем.

– ФТО ФТЕСЬ? – испугался клещ, услышав звуки снаружи.

– Это мы – жуки.

– ФТО ФТО? – он дернул лапочкой, пытаясь рядом нащупать чужука.

– ЭТО МЫ – ЖУКИ.

– А.. А фто фы фтесь телаете?

– Мы пришли съест медведя.

– Фто?!

– Съест. Медведя.

– Как это фэфть? Фы фто – фдурели?

– Медведь мертв.

Клещ молчал, осознавая. Вдруг уперся, оттолкнулся и вылез из ранки. Умытый кровью, он глянул на жуков.

– Как это мертв?

– Так это. Мертв.

– Что же это. Мне искать нового зверя?

– Стало быть – искать.

– Как жалко... – и полез обратно, впился и заторчал. Жуки

ушли с полянки, а он остался.

Наконец, вышли к ране. Мушки сидели на берегах и пили, и умывались, и снова пили. Мухи закапывали личинки среди плотского волокна. Комары надувались до треска и тяжело отлетали. Шла большая работа по изъятию остатков жизни из медведя.

– Ну вот, мы опоздали, – сказал жук, – надо было выходить раньше.

– Куда уж раньше? Пойдем, потолкаемся.

– Вы как хотите, а я пойду в другое место, – сказал один жук и уполз.

– Я с тобой... – сказал Жук, что ел жуков.

– Как хотите, – и остальные вошли в мир теплой раны.

Ох, как нелегко скоро стало нашим жукам! Птицы рвали жуков из леса шерсти. Волки глотали их, слизывая вместе с кровью. Пауки же, охватив лапочками, сосали из жуков внутренности. Муравьи, продвигаясь в страну медведя, поражали и пленили каждого встречного.

Кругом и повсюду жевали, грызли, рвали, ели и выедали, сосали, лакали, хлебали. Стрекот и клекот, ужас и ропот заполнили лес шерсти. Над медведем сдymiлись и стучились мухи и комары.

Вот вечер накрыл лес первой тенью, и в тени грызлись волки за труп медведя. На проплешине-полянке Жук, что ел жуков, доедал жука. Жирный Клещ полз прочь.

– Куда тебе! – крикнул Жук вослед, – не успеешь! Сейчас

я и тебя съем.

Раздутый Клещ тяжело полз к опушке шерстяного леса, а Жук цапнул за лапку и потащил.

– Смотри не взорвись... Я этого не люблю, – сказал, довольный.

И здесь, мой друг, что-то грохнуло и пыхнуло огнем так, что тень слетела с леса. Завизжал волк, закрутился по траве, веточками захрустел по кустам, танцуя с сучкой-смертью. Еще вспышка! Притих волк, а медведь опустел от зверей и птиц, что убежали и отлетели от него. Остались в нем только насекомые. Было затишье, а потом шаги.

– Васька, ты прямо в череп саданул! – сказала что-то.

– Да ну?

Протянулся луч и упал на место, где лежал безглавый волк. Второй луч зажегся и совсем открыл из темноты нечто, что стояло прямо перед трупом медведя.

– Фто это? – спросил Жук, держа в челюсти лапку Клеща.

– Не ешь меня, тогда скажу.

Жук отпустил лапу, очень уж было интересно.

– Ну, что?

– Обещай, что отпустишь.

– Обещаю. Так что это?

– Это человек. Наверное...

– Откуда знаешь?

– Бабка моя едала таких, пока спали. Очень похожи.

– Значит, это зверь?

– Не знаю. Она не рассказывала.

– Эх, пожрали его, – сказал человек, глядя в медвежью страну, – тухлятина.

– Ничего, – ответил кто-то, – шкуру сдерем.

– Ясное дело. А волчок хороший попался. Жаль, что испортили.

– Ну, звиняй. Как получилось.

– Да я не в упрек, Васятка. Давай разжигаться.

И скоро раздышался рядом с трупом медведя огонь и затрещал хворост. Два человека обозначились в свете костра. Бородатые, косматые и неведомые. Один грел ладони. Второй точил нож и насвистывал.

– Давай уползем, – сказал Клещ.

– Куда! Ты теперь мой.

– Ты же обещал!

– Есть не буду. Но мне скучно. Посмотрим, что случится.

Ты остаешься.

– Давай спрячемся! Вдруг они съедят нас.

– Ты прав, – и затаились в темном лесу шерсти, а над миром точился нож. Ш-ш-уух. Ш-ш-уух.

– Ой черт, – сказал человек, – че ж я так зеваю-то.

– Ниче, закончим – отоспимся, – ответил второй.

Ш-ш-уух. Ш-ш-уух. И что тут началось! Двинулся медведь и развернулся, и покатился на бок.

– Ай! – крикнул Жук!

– Держись за меня! – ответил Клещ и вцепился.

И были странные звуки, и неземные лица мелькали над шкурой, и гиганты-руки, и лезвие в крови.

– Что делают!

– Я не знаю...

И тут шкура взлетела и двинулась под небом и вселенскими звездами.

– Мы движемся, мы опять движемся! – где-то кричала блоха.

– Вот дура, – сказал Жук, – она права. Куда мы?!

– Надо было ползти. Они нас съедят! Точно съедят!

И тут шкура свернулась, как время-пространство, и стало совсем темно.

– Мы умерли? Умерли?! – кричал Клещ.

– Еще слово – и кто-нибудь точно умрет.

2

Ни Жук, ни Клещ видеть не могли, как погрузили шкуру в машину и повезли, как навсегда покинули лес, что опушкой мелькнул в зеркалах заднего вида. УАЗ качался на волнах бездорожья, пока не выехал на тракт, на котором ускорился, зеленым ядром кометы возглавив хвост пыли. Два неведомых и усталых мужика ехали по домам. Безглавого волка погрузили на крышку – под брезент, только кончик хвоста торчал из-под него. На кой им волк? Кто знает. Подъезжали к деревушке, что прилипла постройками и печными дымками к горизонту.

– Ну, Васятка, приехали, – сказал косматый.

– Ага, – ответил бородатый, – давай я сойду, что бензин тратить.

– Ну давай, – рукопожались и распрощались.

Остался Васятка на обочине и помахал «Ниве», что заворачивала прочь, а в ней шкура, а в шкуре Жук и Клещ.

УАЗ свернул с тракта и съехал в поле, что тянулось вдоль леса. Уминая травостой, он полз, точно огромный жук. Скоро далекий домик прочернился на синеве, а вокруг заборчик, а у заборчика мальчик – стоит с ладошкой вдоль лба – ждет папку, а папка едет довольный – убил медведя.

– Ма! – крикнул мальчик, и убежал в дом.

Ма, конечно, по локоть в муке. Конечно, отерла о фартук

ладони. УАЗ хрустнул коробкой ручника и встал, и заглох. И вышел косматый, здоровый и вонький, и родной, и раскрыл ручищи, готовые к объятию.

– Ушел, гад, – рассказывал позже, – почти ушел от нас. Я ему саданул, а он как ломанется! День искали. Но ничо. Шкура в дырье, но хороша. Отдам дядь Митяю – шик будет. Засолит, жирок снимет – загляденье!

Со шкуры, что лежала на земле у ног семейства, на людей смотрели Жук и Клещ.

– Ну, ладно, – сказал косматый, – я в баню.

– Идем, – сказала жена.

А мальчик остался. Ходил вокруг, выглядывая что-то. Поднял веточку и водил по лесу шерсти, пока не выловил большого муравья-воина. Муравей вцепился в веточку, приняв за врага. Бродил по ней и кусался. А мальчик прихватил его за спинку и сдавил, и смотрел как идет из муравья капелька сока.

– Сейчас есть будет, – сказал Жук.

Но мальчик не съел муравья, а выбросил, потеряв интерес.

– Странно, – сказал Жук, – что это вообще такое?

– Это, наверное, их личинка, – сказал Клещ.

«Какая ты большая личинка» – подумал Жук восхищенно. «Как надолго тебя хватит!»

– Что же будет, когда оно вырастет! – ответил Жук и задумался.

В крохотной голове зашагали большие, как мальчик, мыс-

ли: если оно убивает просто так – значит оно вредное. Я не убиваю просто так – я хочу есть. Если оно вредное, то зачем оно нужно? И это еще личинка! Ах ты, вредная вкусная личинка...

– Хочу это съесть, – сказал Жук.

– С ума сошел? Она же огромная!

– Чем больше – тем вкуснее.

3

Долго мальчик играл со шкурой. Кто знает – почему понравилась ему? В мирке, что был в его маленькой голове, он делал нечто значительное. Обходил шкуру кругом, вглядывался, шерстил палкой. Вращался округ, точно спутник. Выловил еще муравья, которого ждала особая участь. Из кармашка достал кружок увеличительного стекла. Сначала рассматривал муравья большим от линзы глазом. Что-то шептал про себя и сопел, как сопит всякий увлеченный ребенок. Рассмотрев муравьишку, сфокусировал на нем луч солнца и сжег, улыбаясь. Очень ему понравилось жечь. Это магия! Он волшебник! Будет колдовать! Он прыгал на месте, переживая восторг. И вдруг глянул прямо на Жука. Приметил его черное пятнышко среди леса шерсти.

Ткнул палочкой рядом, надеясь выудить. Но Жук был умнее.

– Бежим! – сказал Клещ.

Поздно. Жука охватила ладошка и унесла. Мальчик выложил добычу перед собой, сел на корточки и рассматривал Жука через линзу и сопел пуще прежнего. Боже, как иногда бывают страшны дети. Когда, друг мой, увидишь ребенка – вспомни, что он аморален. Будь у него сила – он избил бы родителей. Избил бы и тебя. И порезал на куски. Играл бы с твоими кишками. Он бы невинно вешал, жег, истреблял.

Он дикарь, пока мать не научит его обратному. Как хороши, что дети слабы.

Насмотревшись, мальчик навел линзу на Жука. Кружок света стянулся в точку, вот и готов лазер! Сестра, следите за состоянием больного. Пламенная точка подбиралась к Жуку.

– Ну вот и все, – подумал Жук, – ладно. Я многих съел. Пора на отдых.

Жгучий огонек лег на панцирь, но вдруг исчез. Туча перебила сигнал света. Отенилось все кругом, дохнул ветер и окропил моросью и молодостью дождя.

– Андрюша! – позвала мать, – иди домой.

Прежде, чем уйти, Андрюша топнул, надеясь раздавить Жука. Но промазал и убежал в дом. Жук забрался обратно в лес шерсти.

Скоро, повязанный полотенцем, явился косматый, и от него шел пар. Он спешно свернул шкуру и занес в дом. В крышу и стекла ломился дождь.

– Ничего себе погода, – сказал.

– Да, Андрюша чуть не промок, – ответила.

Андрюша сидел у окна, болтая ножкой и тоскуя по насилью.

– Фу, – сказала, – а шкура-то как воняет.

– Ничего. Дядь Митяй завтра за ней приедет.

4

Так для Жука и Клеща настала иная жизнь. Ночью покинули шкуру, чтобы скитаться по новому миру. На равнине кухонного пола встретились им хлебные крошки. Не знали – что это. Попробовали, да чуть не умерли. Ужасен был вкус. Ужасен! А есть хотелось все больше. Жук поглядывал на Клеща, а тот на Жука.

– Ты ведь не съешь меня? – спросил Клещ.

– Не съем, – хотя очень хотел и мечтал прикусить его, переломить надвое и питаться соком, что прольется из нутра. С другой стороны – странное чувство не позволяло есть Клеща. Впервые за жизнь, полную пожирания, он отказывался от пищи.

– Я тоже очень голоден, – и более не смотрел на Клеща, чтобы не соблазниться на сладкие кусочки, из которых состояло его тело.

Ползли дальше, истощенные пустошью.

Под потолком вокруг лампочки кружила жирная муха. Приметила гостей и спустилась к ним.

– Вы что? – спросила, лапкой расчесывая крылышко.

– Что – «что»?

– Вы что здесь делаете!

– Ползаем...

– Мальчик скоро придет. Прячьтесь!

– А ты?

– А что я? Он до меня не достанет. Ленив больно.

– А что ты там делаешь? Рядом с этой странной штукой.

– Это лампочка. Я кручусь вокруг.

– Зачем?

– Не знаю... Никто не знает. Мне пора, взлетела и вернулась на орбиту лампочки.

– Странная, – сказал Клещ. – Ты ведь не съешь меня?

– Нет. Ползем дальше.

И встретился им старый паук в паутине. Приметив гостей, он спешно правил сеть, вытягивая нить из своего нутра.

– Здравствуйте! – сказал. – Подойдите поближе. Кое-что покажу... тут такое!

– Нет, – ответил Жук.

– Я кое-что вам расскажу.

– Расскажи нам лучше об этом месте.

– Хорошо, подойдите поближе, я шепну вам.

– Ты голодный и глупый паук. Неужели ты думаешь, что подойдем. Как вообще ты выжил?

– Мальчик иногда кормит меня бабочками, пчелами, жуками, муравьями. Он любит смотреть, когда ем.

– И многих ты съел?

– Многих...

– Знаешь, что это за место?

– Это называется «дом», тут живут люди. Днем дома только мальчик.

– А ты давно здесь?

– Очень. Точно не хотите зайти?

– Точно.

И ползли дальше любопытствовать. И встретили половинку пчелки. На лапочках она ползла к ним. Даже не пчелка, а так – обрубочек. Наигравшись, мальчик оставил ее, а сам ушел гулять и быть счастливым.

– Я вижу, что ты за жук, – сказала половинка, – убей меня, я никак не могу умереть, хотя очень стараюсь.

– Кто так поступил с тобой?

– Человечья личинка.

– Я бы хотел съесть личинку. Что ты знаешь о ней?

– Ты убьешь меня?

– Обязательно.

– Люди боятся, когда кусаем их. Я слышала, как они кричат. Мы живем у леса. Там бывают люди. Я больше не увижу ни одного цветка. Ни одного...

– Я не стану тебя есть, ты грустная пчела.

– Спасибо.

– Скажи, где твой улей?

– Я не могу передать это словами. Здесь нужно танцевать, ты не поймешь.

– Но другая пчела сможет отвести меня?

– Да, если я захочу.

– А ты хочешь?

– Подойди ближе.

Он подполз, а пчелка нанесла на хитин пять цветных пылинок, что вынимала из меховой грудки, точно из сумки.

– Это знак дружбы. Теперь тебя будут слушать. Если будешь в улье – передай Матери, что я любила ее. Она права – не стоило залетать далеко. Розы не стоили того... Она говорила, что я стою тысячи.

Жуку нравилась пчелка.

– Ты готова умереть?

– Да.

Жук бережно перехватил тонкую шейку челюстями, откусил и оторвал голову. Но слова не сдержал и съел пчелку без остатка, так хотелось сдружиться и слиться с ней. Клещ завидовал ему и готовился к голодной смерти. Ни капли крови кругом. Ни одного зверя.

– Я умираю от голода, – сказал.

– Не беспокойся. Я этим займусь.

– Как? Мальчик раздавит нас на месте.

– Кто кого еще раздавит. Что это?

Вдалеке навстречу вдоль плинтуса полз таракашка. Усатый прусачок-разведчик. Он составлял план для ночного рейда. Но заметил незнакомцев и остановился, разглядывая.

– Эй! Что ты такое? – крикнул Жук.

– Таракан. А ты?

– Я бабочка, а это моя личинка.

Мог ли наивный деревенский таракашка отличить бабоч-

ку от жука? Никогда он не видел бабочку.

– Я иначе вас, бабочек, представлял.

– А я тараканов иначе представлял, – ответил Жук. – И не страшно тебе тут ползать?

– Страшно, – крикнул, – но я должен.

– Не слышу... подойди поближе, – ответил Жук, а Клещ понял, что и к чему.

– Да, согласен, ничего не разберу, – сказал Жук. В его интересах было, чтобы Жук наелся.

И наивный таракашка полз к ним.

Таких не едал еще, – думал Жук, – тут нужно подход найти. Такого крепыша за раз не перекусишь надвое. Пожалуй, вцеплюсь в голову и сожму, пока не потечет. Да. Иди сюда.

Таракашка полз к ним, но замер, услышав вибрацию и звуки человеческих шагов.

– О – нет! Оно проснулось. Бежим! За мной, бабочка! Спасаемся!

5

Таракашка провел их в страну за стеной. Здесь было темно и прохладно. Снаружи ходил мальчик, под шагами которого скрипел пол.

– Фух! Еле успели. Он бы размазал нас, – сказал таракан. – Как хорошо быть дома...

Жук не слушал, а только смотрел на таракашку и представлял, как будет вырывать у него лапки одну за другой, гадая на любовь и нелюбовь. Страсть охотника и пожирателя отуманили его, и он раскрыл мощные челюсти, чтобы впиться в самый сладкий кусочек.

– Ты чего? – замер таракашка.

– Сейчас я тебя съем. Не шевелись. Все равно догоню.

– Кто, – вдруг сказал кто-то.

– Кого, – дополнил второй.

– Съест, – заключил третий.

Не успели Жук с Клещом опомниться и убежать, как с шорохом их окружил народ таракашек.

– Готовься.

– К смерти.

– Жучара.

– Сейчас тебя.

– Порвееем, – протянули все разом.

– Пойдите, ай! – крупный тараканище ухватили за лапу. –

Я всю объясню, ай! – другой ухватил за вторую.

– Рви! Рви! Рви! – радовалась толпа.

– Нет! Я не хотел есть вашего друга! Я... Я... – не знал, что соврать, столь испугали его таракашки.

– Рви! Рви! Рви! – и оторвали лапку. Как хорошо, что жуки не знают боли. Но как же им тревожно умирать.

– Стойте! – крикнул Клещ, – Мы здесь, чтобы съесть мальчика!

– Ты.

– Что.

– Такое?

– Я Клещ.

– Врешь, Клещ! Нельзя съесть мальчика.

– Вы что?! Никогда не ели мальчиков?

– Нет, – озадачились таракашки.

– А мы ели!

– Как?

– Едали мы таких личинок. Они очень вкусные. Что вы любите есть больше всего?

И таракашки грянули наперебой:

– Крошки, сыр, крупу, картон, клей, кожу, перхоть, бумагу, сахарок, чулки хозяйки!

И долго бы говорили, если бы клещ не сказал.

– Все это чепуха.

– Как это чепуха?

– Ваши крошки и сыр, и картон, и клей, и чулки хозяйки

– это так.

Вот мальчик – это крошки крошек и сыр сыров. Это вкусно. Едал я ваши чулки. Они вкусные. А мальчик – чулки чулков. Очень вкусный! Давайте попробуем мальчика!

– Чулки чулков, – повторил кто-то, очарованный питательной поэзией.

– И даже вкуснее! – крикнул Жук, радуясь помощи друга. – Чулки чулков чулок!

– Но как мы съедим мальчика? Он такой большой...

Здесь Клещ не знал, что сказать. Жар подвига сошел с него, стало ему страшненько и холодно среди голодных таракашек.

– Вы что?! – крикнул Жук. – Вас же так много! Утащим его!

Таракашки стояли, скрестив дрожащие усики. Спорили! Двое даже подрались в глубине притихшей толпы. Их разняли. Одного случайно порвали и растащили. Такой таракашки народ.

– Точно чулки чулков чулок? – спросили.

– Точно, – ответил Жук.

И опять задрожали, и задергали усиками. Долго так совещались, а Жук поглядывал на оторванную лапку, что лежала рядом.

– Ладно, – вдруг сказали таракашки, – что делать?

– Ваше дело – тащить, – сказал Жук. Остальное оставьте мне.

– Это можно. Утащим. Только он же нас передавит, он сильный!

– Об этом не беспокойтесь. Он упадет и будет смирным.

– Как хорошо.

– Ну, я пошел?

– С тобой пойдут наши, чтобы не убежал. Если что – порвут.

– Хорошо...

6

Когда в доме стемнело, а хозяева и мальчик спали в континентах своих кроватей, Жук, Клещ и тараканий отряд покинули страну за стеной. Пересекли долину кухонного пола, прошли ущельем прихожей и просочились под дверь... Клещ, Жук и таракашки исчезли в разнотравье и скитались там три дня и три ночи. И что случилось в наружном мире – не знает никто.

На четвертый день в раскрытую форточку влетела скромная маленькая пчелка. Казалось, что попала внутрь она случайно, что задул ее шальной ветер, но это было не так... Она облетела пустые от людей комнаты. Посидела на телевизоре, диване, холодильнике, шкафу. Ото всюду глядела на куцый простор человеческого мира. Искала определенный цветок... И нашла в распахнутой кладовой, где мальчик ел варенье из баночки, облизывал алую ложку и сопел. Детеныш не знал, что за ним наблюдает гвардейский и промышленный разведчик высшего ранга. Лучшая из лучших пчелок смотрела за ним, окутанным в сладкое-сладкое облако клубничного запаха. Наконец, он пошел на кухню напиться воды и колоть мух иголкой, а пчелка тихо-тихо пролетела следом, держась под потолком.

И когда мальчик взял полный стакан и запрокинул светлую головку, а бугорок кадычка ходил вверх-вниз, села на

шею щекочущая пчелка и вдавила жало в мясо. Упал и разбился стакан. Красный мальчик хрипел и выл! А в форточку капнула еще пчелка, за ней другая. И третья-десятая, двадцатая и сотая – поток пчелиный протек в кухню и закружился вокруг мальчика каруселью укусов.

За стеклом кухни сидели Жук и Мать Всех Пчел. Смотрели, как плясал мальчик, не успевая хвататься за ужаленные места. Пчелы, растратив жало, сыпались округ и умирали под ногами.

– Она стоила тысячи, – сказала Мать жуку, – я любила ее.

Мальчик упал и вяло отмахивался опухшей ладошкой.

Под ним ширился круг напряженной влаги.

– Надеюсь, оно страдает.

– Да, ваше величество, – ответил Жук.

– О, я слышу запах доброй розы, – сказала Мать Всех

Пчел.

Мальчик закрыл лицо и ооченел в страдании, уже не отбиваясь, его покрыло кишашее одеяло.

– Люди умеют их растить, как следует. Жаль, что не умеют растить своих личинок, – продолжила она.

– Ваше величество! – из форточки выкружила пчелка. – Мы несем большие потери!

– Танцуйте отступление, – сказала Мать адъютанту, а тот влетел и закружил танец отступления.

Выжившие пчелы покидали кухню, текли наружу отступающей армией, а мальчик, напитанный ядом, лежал непо-

движно.

– Это хороший урок для людей. Они думают, что дело в размере особи, но ошибаются. Мы равны, – сказала Мать. – Теперь пусть едят горький мёд.

Из пола, из стен, с потолка шуршали таракашки и стекались к телу. Окружили и сгустились по контурам. Мертвый мальчик всплыл и потянулся на кишашем ковре в сторону распахнутой двери. Головой вперед вынесли за порог, в жаркий слепень полдня. Ярко кругом, далеко видать – дрейфует тело по травам, кочкам, земле. Жук сидел и верховодил на опухшем лице, на кончике носа, точно на корабельной матче. Голодный Клещ заторчал на розовой щечке.

И долго двигался этот корабль, и скрылся в лесу.

– Молодцы, таракашки! Тяжело вам? – крикнул Жук на закате.

– Тяжело!

– Тогда привал. Давайте есть.

– Чулки чулок чулков!

И тараканы охватили алый от лучей труп, и долго питались, и Жук питался, и было вкусно. Это было у куста орешника, жители которого смотрели на диво.

– Это что там такое? Что едят такое?

– Не знаю...

Ели мальчика.

– Наелись? – спросил жук.

– Да, – ответили таракашки.

– Тогда вперед.

И так, с привалами, двигались до самого центра ночи. Встали лагерем посреди лунной полянки.

– Здесь и будем жить, – сказал Жук.

И жили долго, питаясь мальчиком. Пробивая в нем пути, открывая пространства. Пировали и не знали голода. Звери не трогали тела, смущенные человеческим запахом. Обходили стороной этого чужестранца, что таял день за днем, ровняясь с землей, открываясь костями на свет. Лил по нему дождик, ласкалось солнце, дул ветер. И вот в небо улыбается детский череп.

И увидели таракашки, что есть больше нечего. Кругом ни клочка обоев, ни клея, ни крошки. Нет хозяйки и нет чулок. Нет больше и мальчиков.

– Что нам делать, Жук? – спросили.

Жук понял, что делать нечего.

– Ждите, я приведу вам еще мальчика.

– Хорошо! – и отпустили Жука с Клещом, а те и были таковы – не вернулись, а загуляли меж трав.

– Это вам за мою лапу, – подумал Жук.

И таракашки оголодали, и с громом разразились гражданской войной, рвали и ели друг друга, пока не закончились. Последний таракан обнимал травинку и раскачивался на ней, и смеялся.

8

Друг мой, во всякой сказке есть мораль. Если морали нет – то это не сказка, а жизнь. В нашей сказке мораль проста – убивай только тогда, когда готов страдать. Что за нелепица! Скажешь ты. Что за такая мораль? Но послушай – если бы отец не убил медведя, то утащили бы таракашки его сына? Лазили бы ему в ноздри, ушки, пустые глазницы? Отбирая что-то, будь готов потерять еще больше. Ты обязательно потеряешь! Мы никогда не узнаем какие струнки и паутинки задеваем, когда делаем больно. Мы никогда не узнаем – чье внимание привлекли. Кто ползет у нас по воротнику, желая съест.

За этим мальчиком пришел Жук. За другим придет рак. Друг мой, за нами смотрят маленькие твари. Они шепчутся у наших подошв. Тебе кажется – они бессильны. Но они повалят тебя и потащат – эти мелочи, которые ты заслужил. Повалят и потащат, и обглодают в лесу одиночества. За каждого убитого зверя чьей-то надежды, за каждое оторванное крылышко духа, за каждую растоптанную человеческую букашку ты будешь страдать, как маленький и вредный мальчик.

https://t.me/bitter_alphabet

В оформлении обложки использована иллюстрация с сай-

та <https://pixabay.com/>

Бесплатно для коммерческого использования

Указание авторства не требуется

Прямая ссылка на фото: https://cdn.pixabay.com/photo/2016/09/03/01/52/bee-1640890_1280.jpg